

Русская газета в Польше : Литература и политика

Н.А. Богомолов (*Московский государственный университет*)

История варшавской газеты «За свободу!» (с 17 июля 1920 по 4 ноября 1921 «Свобода»; после закрытия 5 апреля 1932 преобразована в ежедневную газету «Молва», выходящую в свою очередь до 31 января 1934 г.) не относится к вовсе не изученным¹. И вместе с тем очевидно, что вопросов, на которые можно дать определенные ответы, в истории этой газеты не только как источника, но и как литературного и идеологического предприятия, действовавшего в достаточно тяжелой обстановке страны-лимитрофа на протяжении более десяти лет, еще очень много, и остается лишь надеяться, что дальнейшие разыскания позволят составить представление о ней приблизительно в тех же объемах, как о других изданиях русского зарубежья (прежде всего — рижская газета «Сегодня», затем газета и журнал «Звено», журнал «Числа» и некоторые другие)². У нас же пойдет речь лишь об одной стороне деятельности газеты — ее вписанности во внутреннюю и внешнюю политику Польши. При этом мы избрали не тот период, который обычно становится центральным для рассмотрения, первые годы существования газеты (приблизительно до процесса Б. В. Савинкова, после которого она пережила серьезнейший кризис, поскольку именно в Савинкове

¹ Т.Е.Петрова, 2000, «За свободу!»//Литературная энциклопедия Русского Зарубежья 1918-1930: Периодика и литературные центры, М., 152-157; Амфитеатров и Савинков: Переписка 1923-1924. Публ. Э. Гарэтто, А.И. Добкина, Д.И. Зубарева//Минувшее: Исторический альманах, Т. 13 (1993), М.-СПб.; Амфитеатров и русские в Польше. Публ. Д.И. Зубарева //Минувшее: Исторический альманах, Т. 22 (1997), М.-СПб.; М.П.Арцыбашев, 1993, Письма Борису Савинкову: К истории русской эмиграции в Варшаве. Публ. Д.И. Зубарева // De visu, 1993, № 4. См. также: Джон Стюарт Дюррант, 1994, По материалам архива Д.В. Философова//Лица: Биографический альманах, Т. 5, М.-СПб.; Н.А.Богомолов, 1999, Русская литература первой трети XX века, Томск, 423-432. Вторая наша работа готовится к печати в сборнике материалов конференции «Русская культура в Прибалтике 1918-1940», проходившей в Риге в 2001 г.

² См.: Газета «Сегодня» 1919-1940: Роспись. Сост. Ю. Абызов, Ч. 1-2, Рига 2001; Лазарь Фяейшиан, Юрий Абызов, Борис Равдин, 1997, Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов, Кн. I-V (= Stanford Slavic Studies, 13-17), Stanford; «.. Наша культура, отраженная в капле...». Письма И. Бунина, Д. Мережковского, З. Гиппиус и Г. Адамовича к редакции парижского «Звена» (1923-1928). Публ. О.А. Коростелева// Минувшее: Исторический альманах, Т. 24 (1998), СПб. ; в значительно меньшей степени — большой, но не слишком активно использующий архивные документы раздел «Вокруг „Чисел“» (Литературное обозрение, 1996:2,3-90).

редакторы видели одну из своих серьезнейших надежд), а значительно более поздний, когда за газетой не стояло какой бы то ни было реальной политической силы, когда она превратилась в исключительно идеологическое и даже несколько идеалистическое предприятие, тем не менее продолжавшее по мере возможности и в новых условиях сохранять пыл и темперамент прежних лет.

Однако сохранение требовало от редакции и, прежде всего, от ведущих публицистов газеты умения соотносить свою линию поведения с тем, что могло бы быть приемлемым для политики, в данный момент осуществляемой польским государством. Одновременно нельзя было не считаться с тем, что в самом образованном и испытывающем симпатию к России польском обществе чрезвычайно сильны были настроения, подобные тем, которые были выражены в «Открытом письме проф. Мариана Здзеховского на имя Д. В. Философова» (14 ноября 1928)³. Позволим себе процитировать этот весьма выразительный текст:

Несмотря на мои дружеские связи со многими из лучших русских людей и на испытанное мною глубокое и благотворное влияние величайших русских писателей — назову их по имени: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Герцен, Тургенев, Ал. К. Толстой, Лев Толстой, Вл. Соловьев, Б.Н. Чичерин, кн. Евг. Трубецкой — несмотря на то, что я был основателем и руководителем «Славянского Клуба» в Кракове, одной из целей которого было сближение польского общества с оппозиционной, либеральной и благожелательно к нам относящейся Россией, я с первых дней войны... стал на стороне центральных держав и в этом направлении я писал и, по мере возможности, действовал... для меня не было сомнения в том, что предполагаемое в случае победы объединение всех польских земель под скипетром русского царя будет *finis Poloniae* в полном смысле слова,... был бы уничтожен последний уголок, где, благодаря великодушной политике императора Франца-Иосифа свободно процветала польская речь, польская культура. ...Примирение между Польшей и Россией немислимо. История обречла наши народы на вечную вражду. Даже общий интерес не в состоянии их сблизить,

и т. д. Подчеркнем, что это говорит один из тех польских культурных и общественных деятелей, которые на протяжении большей части своей жизни поддерживали самую активную связь с Россией, и русские отношения Здзеховского представляют собою интереснейшую научную проблему⁴.

³ Здесь и далее ссылки на газетные публикации даются непосредственно в тексте с указанием даты цитируемого номера.

⁴ См., в частности: *B. Bialoko2owicz*, 1965, *Korrespondencja Mariana Zdziechow-skiego z Lwem Tolstojem// Slawia Orientalis*, 1965:4,435-452.

В этом сложнейшем конгломерате метафизических, историософских, религиозных — и одновременно конкретных политических, социальных, военных, экономических вопросов должна была существовать газета, предназначавшая себя не для развлечения и нейтрального информирования своих читателей, а для внутренней ориентации их в жизни той страны, которая отныне стала местом их постоянного обитания.

Естественно, что трудности газеты выявлялись прежде всего в ситуациях, когда нужно было каким-то образом объяснять действия польского правительства, кажущиеся редакторам неверными, разрушающими даже ту сравнительно неглубоко залегающую почву, на которой можно было находить общий язык.

Проиллюстрируем сказанное двумя примерами, — из сфер внешней и внутренней политики польского государства.

Первый (хотя хронологически более поздний) пример относится к 1929 году, когда 7 марта было опубликовано сообщение:

VIII уголовное отделение Варшавского уголовного суда прислало нам для опубликования выписку из журнала распорядительного заседания суда от 28-го февраля с.г. следующего содержания:

Ввиду признаков преступления, предусмотренного 535 ст. Угол. улож. и 3 п. статьи распоряжения Президента Республики от 10 мая 1927 года... выразившегося в статье под названием «Мистер Пиквик-Литвинов», помещенной в № 48 газеты «За Свободу!» конфискацию указанного номера... утвердить, распространение газеты с указанной статьей воспретить и переписку возвратить прокурору Варшавского окружного суда.

Упомянутая статья, принадлежащая перу Д. В. Философова, вовсе не была посвящена прямой критике польского правительства, подписавшего «протокол Литвинова» о развитии торговых связей между СССР и Польшей, а критиковала посвященную этому эпизоду статью в польской газете, где Литвинов был представлен в виде добродушного мистера Пиквика, самим своим добродушием вселяющего уверенность в том, что протокол и на самом деле будет выполняться. Исходя из давней убежденности, что никакие переговоры и договоры с большевиками не могут иметь смысла, т. к. последние всегда нарушат любые взятые на себя обязательства (эта позиция с предельной ясностью была, между прочим, выражена в статьях З.Н. Гиппиус польской эпохи ее жизни⁵), Философов и здесь пытался дать понять:

⁵ Едва ли не наиболее яркие выступления такого рода, принадлежащие З.Н. Гиппиус, ныне собраны: *Зинаида Гиппиус*, 2002, Мечты и кошмар [На перепл.: Неизвестная проза 1920-1925 годов], СПб.

каким бы добродушным ни казался Литвинов, нельзя поддаваться иллюзиям. Но в данный момент это вступало в противоречие с направлением, определенным польской стороной, и потому номер газеты был конфискован. Характерно, что решение, сколько мы знаем, никак не было оспорено ни в печатной форме, ни в суде. Очевидно, газета признала свое тактическое поражение, удовлетворившись эффектом запретного плода.

Второй пример относится к августу-сентябрю 1928 г., когда было принято и проводилось в жизнь решение о высылке из Польши значительного количества русских эмигрантов, сопровождавшейся обысками и арестами. В этом случае противостояние официальной правительственной линии было организовано на основаниях отстаивания идеалов демократического общества и убеждения в личной полезности того или иного из высылаемых. Так, 12 сентября поэт В. Бранд поместил статью под характерным названием «Я не знаю, зачем и кому это нужно» (Из песни «На смерть Александровских юнкеров»⁶), где писал:

Сегодня выехал в Чехию через Львов высланный из пределов государства А.В. Феодоров[,] один из честнейших и благороднейших людей, которых мне приходилось встречать в жизни. ...

Невольно задаешь себе вопрос: кому приносит пользу высылка таких достойных людей, боровшихся с оружием в руках против коммунистов за свободу Польши ?

— Польше ?

— Нет.

Только тем, кто теперь сможет свободнее забивать мозги нашей молодежи антигосударственной агитацией, тем, на чьей дороге стоял Феодоров, постоянный и верный боец против коммунизма.

Стремившийся от аргументов *ad hominem* перейти к более общим Д. В. Философов опубликовал несколько статей, касающихся этой высылки, где попытался собрать аргументы, которыми можно было бы воспользоваться в отстаивании права русских эмигрантов на существование в Польше не только как полностью отрезанной от политики массы, но и вполне активных деятелей. В одной статье, озаглавленной «В нетях» (11 сентября 1928), он задается вопросом: «что могли бы сделать мы, эмигранты, для того, чтобы разредить ту невыносимо-удушливую атмосферу, в которой мы очутились?» — и пытается отвечать на свой вопрос такими рассуждениями:

⁶ Имеется в виду популярнейшая песня А. Вертинского.

Причина той неизвестности, в которой мы пребываем, зависит во многом от того, что до сих пор административные власти не опубликовали списка подлежащих высылке, а также не сообщили индивидуальных причин этой репрессивной меры... Эмигрантские организации должны произвести собственными силами по возможности точный учет выселенных и даже дать хотя « бы самые краткие сведения о каждом выселенном Кто не помнит работы политического «Красного Креста» при царском режиме и в первый год большевицкой тирании?.. Такой политический «Красный Крест» должен функционировать и в эмиграции. Если он «до последнего издыхания» функционировал при боль-шевицком режиме, то тем более он должен функционировать в европейских государствах.... Даже эта скромная, легальная, лойальная и т.д. работа покажет, что русские люди в Польше не пыль, что они имеют над собою хоть какую-нибудь опеку.

А через 4 дня, 15 сентября, откликаясь на обыск в варшавском книжном магазине «Россика», Философов вроде бы полемизирует с рижской газетой «Сегодня», поместившей информацию об этом обыске, но на самом деле дает своеобразную программу того, как следует себя вести в подобного рода ситуациях, когда известные в кругах эмиграции люди оказываются заподозрены в недозволенных контактах с большевиками (руководители «Россики» подозревались в том, что магазин, являясь официальным представителем Госиздата в Польше, превратился в центр большевистской пропаганды). И снова эта программа сводится к соблюдению самых элементарных норм демократического общества:

из этого отнюдь не следует, что оно [*Русское национальное объединение* — Н. Б.] должно выносить свое запоздалое решение теперь, на основании газетной информации об обыске. Это было бы непростительной ошибкой, и мы надеемся, что РНО ее не совершит. Во-первых, надо выслушать самого г-на Серебrenникова, а затем дожидаться судебного разбирательства его дела.

Совершенно очевидно, что иная линия отстаивания интересов русских эмигрантов в подобной ситуации, когда решение о высылке было принято в высших сферах власти, была бы невозможной.

Вместе с тем естественное общее поле у русских эмигрантов и польских властей было. Им являлась убежденность в активнейшей разведывательной, пропагандистской, провокационной и террористической деятельности, которую ведут советские, как теперь принято говорить, спецслужбы одновременно и против Польши и против русской диаспоры в стране. Но, признавая справедливость этих взглядов, нельзя не сказать, что подобная убежденность влекла за собою существенное

последствие: вся редакция газеты и во второй половине 1920-х годов была убеждена, что единственным способом освобождения населения СССР от власти большевиков может являться интервенция. Это было сформулировано еще в 1920-1921 гг. в газете «Свобода», где подобные заявления были неизменной составной частью всей редакционной политики⁷. В «За свободу!» интересующего нас времени основное внимание уделялось лишь террору на территории СССР, реальному и воображаемому, покушениям на партийных, советских и чекистских руководителей газета постоянно уделяла немало внимания. В центре внимания оказывались взрыв на Лубянке и покушение на Ягоду, воспоминания о процессе Коверды и тому подобные эпизоды. Этим же объясняется и совершенно справедливое убеждение в том, что большинство политических процессов в СССР является сфабрикованным (как, например, дело Промпартии, сведения о котором долгое время занимали место на первых полосах).

Однако понятная подозрительность по отношению к любой информации, сообщаемой советскими газетами, время от времени приводила к характерным казусам. Позволим себе остановиться лишь на одном из них. 31 июля 1928 г. в газете была напечатана статья А. М. Хирьякова «Заговор массонов *[sic]*», в которой излагался фельетон «какого-то Тура»⁸, посвященный деятельности разного рода организаций, разоблачавшихся большевиками как контрреволюционных. Мнение варшавского журналиста вполне недвусмысленно:

во всем изложении большевицкого газетчика чувствуется такой нестерпимый букет третьестепенных бульварных романов, что при чтении этого фельетона является *[sic]* только одни недоуменные вопросы:

— А где в этой лжи скрыто зерно правды? Есть тут хоть крупинка истины? На чем основан весь этот клубок лжи, клеветы и выдумки?.. И такая невероятная галиматья помещается в официальном органе. Чувствуешь себя не то перенесенным в мрачнейшую эпоху средневековья, не то просто в сумасшедшем доме. Черт знает что такое !

Но вот на чем основана так возмущившая автора статья:

Оказывается... что в Ленинграде существовала массонская организация. В нее входили разнообразные доктора богословия, кантианцы, доценты христианской экзегетики, спившиеся актеры,

⁷ Образцы подобной публицистики см. в кн., названной в прим. 5.

⁸ Имеются в виду советские фельетонисты Л.Д. Тубельский и П.Л. Рыжей, писавшие под коллективным псевдонимом «братья Тур».

расстрига, гвардейские поручики, потомственные черносотенцы, кокаинисты и эфироманы. В многочисленных ложах этого ордена, носивши[х] пышные названия «Дельфина», «Цветущей акации», «Пылающего льва»[,] вершились спиритические сеансы, астральные собеседования и изрядный блуд. Здесь хулили советскую власть, говорили об антихристе, обсуждали вопросы советской экономики и пытались втянуть в свои ряды членов партии — Во главе этой организации, по словам «Известий [й]», стоял «магистр иллюзорных наук» итальянской Академии Астромов-Кириченко-Ватсон. Помощником Астромова являлся некто Гредингер, — дворянин, пролезший в члены партии и работавший помощником прокурора ленинградского военного округа. Он уверял, что живет уже тысячу лет, был розенкрейцером и любовником Екатерины II. Немалую роль в ордене играл и шестидесятилетний Отгон Мебес, автор оккультных романов и владелец самой крупной коллекции порнографических открыток в мире...

Второй пример абсурдности ГПУ и «Известий» следует непосредственно далее:

Чрезвычайно характерной для тупика, в который зашла некоторая часть российской интеллигенции..., является и антисоветская организация, носившая наименование «Космическая академия наук». Вы не слышали о такой? Между тем в этой академии все обстояло совсем как в настоящей Академии Наук. Здесь имелся президент, неперемный секретарь, несколько десятков академиков, конференц-зал. Правда, кафедры, числившиеся в Космической академии, несколько отличались от принятых кафедр Академии Наук. Из них можем назвать кафедру православной апологетики, кафедру старой русской орфографии, а также другие чисто «научные» кафедры.

Нам трудно сказать, существовали ли другие организации, названные в статье братьев Тур — «Голубой интернационал» или «Эзотерическое братство истинного служения», но и масоны (точнее, мартинисты), и «Космическая академия наук» совершенно определенно существовали. О них сохранились не только документы в архивах тайной полиции, частично обнародованные⁹, но и воспоминания Д. С. Лихачева, бывшего членом Космической академии наук и одним из докладчиков¹⁰, а также свидетельства хранителей оккультного предания¹¹.

Совершенно справедливо иронизируя по поводу абсурдных обвинений типа:

Русские масоны имели связь с фашистскими организациями Италии, американским Ку-Клукс-Кланом и английскими масонскими лигами. Они вели переписку с Ватиканом, получая инструкции от кардиналов. Отечественных масонов субсидировали Генри Форд, Рокфеллер и Гульд. Это немного напоминает рассказы Ноздрева о Чичикове: в одной куче и Ватикан, и масоны,

⁹ Ленинградские масоны и ОГПУ: Протоколы допросов. Вещественные доказательства. Подг. текста, вст. ст. и комм. В.С. Брачева//Русское прошлое: Исто-рико-документальный альманах, Кн. 1, СПб. 1991; Петербургские мартинисты 1910-1925 годов: Документы архива Министерства безопасности Российской Федерации. Публ. В.С. Брачева//Отечественная история, 1993:1. Значительная часть фельетона бр. Тур и ряд документов из архивов тайной полиции цитируется в кн.: В.С. Брачев, 2002, Масоны в России: За кулисами видимой власти (1731-2001), СПб., 360-395. Там же см. сведения о «Голубом интернационале» из тех же архивов, проверить адекватность которых мы возможности пока не имеем. Отметим, что упоминаемая книга написана с откровенно антимасонских позиций, смыкающихся с фашистскими, что заставляет отнести к содержащимся там сведениям с известной опаской.

¹⁰ Д. С. Лихачев, 1995, Воспоминания, СПб., 136-140.

¹¹ А.М. Асеев, 1999, Посвятительные ордена: масонство, мартинизм и розенкрейцерство // Н.А. Богомолов, 1999> Русская литература начала XX века и оккультизм, М., 429-439.

и Ку-Клукс-Клан, и Генри Форд, и прочие американские миллиардеры. А где же тибетский Далай-Лама? А почему не участвуют иезуиты? А Чемберлен-то? Чемберлен? Почему обошли Чемберлена?

автор статьи, что называется, с водой выплескивает и ребенка.

Надежда возлагалась лишь на организацию вооруженного сопротивления власти, а никак не на различные формы интеллектуального и духовного противостояния. С этим связано и открытое осуждение не только указа заместителя патриаршего местоблюстителя (митрополита, впоследствии патриарха Сергия) и временного при нем патриаршего священного синода, а также архипастырского послания митрополита Евлогия, несмотря на заявления такого рода, как сделанное Философовым:

О том, что он [*митр. Сергий* — Н. Б.] делает в России, не хотелось бы судить. Ему виднее. Хочу верить, что он действует мудро, сообразуясь с обстановкой.

(«Глас вопиющего в пустыне: Заместитель местоблюстителя» //7 июля 1928)

Деятельность православной церкви, не порывающей с антихристовой властью, в глазах публицистов «За свободу!» была достойна только осуждения, далее если очевидно было стремление сохранить ее от буквального физического уничтожения.

Одним словом, основную политическую ориентацию интересующей нас газеты можно было бы определить как попытки отстаивания уже давно определившейся линии, связанной с надеждами на относительно скорую ликвидацию большевистского строя внешними силами, но одновременно и с опасениями, что, как писал Философов,

спокойное развитие польской государственности, по нашему глубокому убеждению, невозможно при наличии восточного соседа, совершенно безответственного в своих действиях, притом соседа, с которым имеется общая граница в 1200 километров.

(«Наша анкета» // 11 ноября 1928)

Эти надежды далеко не всегда, как мы видели, совпадали с сиюминутными и даже со стратегическими планами польского правительства, что вынуждало газету искать возможностей демонстрации максимальной лояльности по отношению к приютившей русских эмигрантов стране.

Как нам представляется, в значительной степени это отводилось на долю литературного (и даже несколько шире — культурного) отдела, который на протяжении долгого времени удавалось поддерживать на весьма высоком уровне. Среди наиболее интересных авторов литературных произведений, мемуаров, эссеистики в газете этого времени — М. П. Арцыбашев, А.В.Амфитеатров, Д. В. Философов, З.Н.Гиппиус, А.А.Кондратьев, Игорь-Северянин, К. Д. Бальмонт. В материалах, которые они печатали в литературном приложении, а иногда и в основном тексте газеты, вполне отчетливо просматривалась, в первую очередь, ориентация на представление явлений польской культуры теми или иными особенностями заинтересовавших издателей. Очень выразительный пример — 12 апреля 1928 года Философов печатает статью «О зверином сердце», посвященную книге Юлиана Эйсмонда «W Puszczu», а буквально на следующий день, 13 апреля, появляется рассказ Эйсмонда «Любовь и смерть» в переводе весьма авторитетного для того времени К. Бальмонта¹².

Приведем лишь краткую хронику материалов о польской культуре из раздела «Литературное приложение» за вторую половину 1928 года: 15 июля Л. Козловский и А. Хирьяков рецензируют «Книгу смиренных» Каспровича в переводе Бальмонта, 22 июля СЮ. Кулаковский публикует статью «Разум сердца (новеллы и рассказы Софии Налковской)», 26 августа появляется его же статья «Радость земли (Лирика Казимира Вежин-ского)», 17 октября — беседа польского журналиста с Д. С. Мережковским, в юбилейном номере 11 ноября напечатана пятая глава из «Анхелли» Ю. Словацкого и так далее.

¹² О связях Философова с польскими деятелями культуры см.: Неизданные письма Д. В. Философова / Пред., подг. текста и прим. Дж.С. Дюрранта//Russian Studies,3:i (1999) (публикация занимает номер целиком).

С особенной полнотой эта тенденция выявилась с того времени, как в начале 1929 года особое литературное приложение было упразднено и материалы о польской культуре влились в общую, не специализированную структуру газеты. Особо отметим систематические публикации театральных обзоров, принадлежавших перу прежде весьма политически ангажированного Евгения Шевченко. В этих обзорах речь шла в первую очередь о постановках польских пьес (единственное исключение за первую половину 1929 года — рецензия на «Трехгрошовую оперу» Брехта-Вайля, поставленную в Варшаве¹³) с оценками не только постановки и исполнения, но и литературного качества пьес.

Таким образом достаточно острая социальная, политическая и конфессиональная проблематика в общем контексте газеты стремилась уравниваться «наведением мостов» в сфере культуры, причем касалось это не только собственно русских и польских проблем, но и прочих. Так, специальную большую статью Философов посвящает религиозному концерту в Варшавской синагоге¹⁴, где так или иначе затрагиваются проблемы украинской и белорусской культур в польском обществе.

Но вместе с тем совершенно очевидно, что и в сфере культуры, а особенно в мемуарных повествованиях далеко не все обстояло так идиллически. Внешне погруженные в ход исторических событий авторы так или иначе проецировали свои тексты на современность. И рассказывая о ярославском восстании 1918 года, и вспоминая события вокруг убийства императора, и описывая подпольные организации первых послереволюционных лет, авторы статей так или иначе формировали устойчивое впечатление о сущности советского режима и облике его главных деятелей. Показательны в этом отношении две статьи, посвященные смерти Николая Дмитриевича Соколова, одного из авторов знаменитого «Приказа № i», — первая написана Фило-софовым, вторая Гиппиус. Даже начала этих текстов совпадают: «В глуши Тешинской Силезии, у самого подножия Бескид узнал я о смерти Н.Д. Соколова» (Философов) — «Странно как-то вспоминать мне об умершем Н. Д. Соколове — здесь, в полуразрушенном замке XVI века, среди острых вершин и кряжей Альп» (Гиппиус). И далее повествование, ориентированное на сугубую мемуарность и даже документальность (Гиппиус

¹³ Е.Ш., «Опера за 3 гроша», Новая пьеса в Польском театре // За свободу! (12 мая 1929).

¹⁴ Д. Философов, Религиозный концерт в Большой Варшавской Синагоге // За Свободу! (4 апреля 1929).

итирует свой дневник, причем в одной из записей фиксируется асказ Философова, тем самым и его статья своеобразно вери-ицируется), развивается по очень сходному пути: оба автора астаивают на том, что Соколов был тем типичным образцом нтеллигента, который, сохранив «глаза лани» (название статьи Гиппиус), тем не менее идет в услужение к большевикам.

«Интеллигентство» имеет роковое свойство стирать из характерных русских черт только одну: именно способность к раскаянию. И однако стереть ее окончательно в Соколове не могло. ... Он умер, но осталось много живых, ему подобных. И о них забывать нельзя, потому что они продолжают дела и делишки маленького интеллигента с протодиаконской бородкой, не имея притом даже бедного его оправданья «глаз лани».

(26 августа 1928)

Другое дело, насколько такие проекции истории на современность давали возможность понять природу происходивших в то время в СССР изменений национального характера, — нам сейчас важно указать, что газета стремилась именно к такому построению своего целостного текста.

Приведем последний пример, касающийся уже проблем более общего характера и как будто не слишком связанный с конкретными событиями современности.

16 апреля 1929 г. в «За свободу» была напечатана статья Д. Философова «По поводу: Эдуард Шюрэ, его жена и сифон содовой воды». Эта статья Философова представляет собою очевидное продолжение и развитие размышлений Д. С. Мережковского (и — шире — всей близкой ему группы) о природе европейского среднего человека, нашедших наиболее оформившееся и имевшее успех выражение в статье «Грядущий Хам». Философов выбирает в качестве объекта для критики понимание мистических проблем, сложившихся в одном из авторитетных как для Европы, так и для России обществ, — антропософских, и не случайно он вспоминает здесь и Волошина, и Андрея Белого. Схематизм построений Штейнера, уверенного в возможности полного и окончательного постижения мира, модность салонной книги Шюре, а следом — и всего международного Теософического общества подвергается сомнению на основании вроде бы случайной сцены, которая тем не менее выявляет, с точки зрения автора, основной порок не только этих построений, но всей современной Европы: примат материального над духовным, отсутствие подлинно мистического начала не только в повседневной жизни, но и в специально отведенных для этого областях, неспособность понять и оценить

подлинно насыщенную мистическую жизнь иных наций. И не раз повторенные слова «варварство», «варвары» обретают в его тексте двунаправленный смысл, подчеркивая естественность и органичность «русской души» и неспособность понять и оценить ее со стороны людей современной европейской культуры. Думается, не будет особой натяжкой сказать, что и в польской действительности конца 1920-х годов Философов как самый яркий публицист газеты «За свободу!», а за ним вся газета, также продолжали отстаивать необходимость сохранения этих качеств, и этим определяется значимость их деятельности.